

ОТНОШЕНИЯ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.: ПОЛИТИКА СБЛИЖЕНИЯ VS. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ

© 2026

Ф. И. Усмонов¹

В статье рассматривается эволюция политических и дипломатических отношений между Бухарским эмиратом и Османской империей на протяжении XIX в. Особое внимание уделяется парадоксальной ситуации начала столетия, когда Бухара при эмире Хайдаре инициировала беспрецедентную попытку вхождения в состав Османской империи, и последовавшему отказу Порты. Анализируется изменение вектора отношений после установления российского протектората над Бухарой (в 1868 г.), когда контакты сместились в религиозно-идеологическую плоскость (панисламизм) и культурную сферу (движение младобухарцев). Делается вывод о преобладании прагматизма над религиозно-идеологическим единством во внешнеполитических стратегиях обеих держав.

Ключевые слова: Бухарский эмират, Османская империя, дипломатия, Хайдар-хан, Махмуд II, Насрулла-хан, панисламизм, младобухарцы, Средняя Азия

Для цитирования: Усмонов Ф. И. Отношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в.: политика сближения vs. геополитический прагматизм. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 154–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-154-163

RELATIONS BETWEEN THE EMIRATE OF BUKHARA AND THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 19th CENTURY: RAPPROCHEMENT VS. GEOPOLITICAL PRAGMATISM

Faridun I. Usmonov

This article examines the evolution of political and diplomatic relations between the Emirate of Bukhara and the Ottoman Empire throughout the 19th century. Particular attention is paid to the paradoxical situation at the beginning of the century, when Bukhara, under Emir Haidar, initiated an unprecedented attempt to join the Ottoman Empire, and the Porte's subsequent refusal. The article analyzes the shift in the vector of relations after the establishment of the Russian protectorate over Bukhara (1868), when contacts shifted to the religious and ideological realm (Pan-Islamism) and the cultural sphere (the Young Bukharian movement). It concludes that pragmatism prevailed over religious and ideological unity in the foreign policy strategies of both powers.

¹ Усмонов Фаридун Ибрагимович, заместитель директора АНО «Центр изучения современной Турции», Москва; ufarid@mail.ru

Faridun I. Usmonov, deputy director of the ANO "Modern Türkiye Research Center", Moscow; ufarid@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1590-1735

Keywords: Bukhara Emirate, Ottoman Empire, diplomacy, Haydar Khan, Mahmud II, Nasrullah Khan, Pan-Islamism, Young Bukharians, Central Asia

For citation: Usmonov F. I. Relations between the Emirate of Bukhara and the Ottoman Empire in the 19th Century: Rapprochement VS Geopolitical Pragmatism. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 154–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-154-163

Взаимоотношения Османской империи с государствами Центральной Азии в Новое время долго оставались периферийной темой как в османистике, так и в исследованиях Центральной Азии. Интерес к ним традиционно возникал в контексте изучения паломнических маршрутов (хадж) или противодействия шиитскому Ирану. Однако XIX век стал переломным: экспансия России в Центральной Азии и кризис Османской империи создали уникальную ситуацию для политического маневра. Бухарский эмират, оказавшись между молотом царской администрации и наковальней внутренних смут, попытался использовать османский фактор как инструмент выживания. Цель данной статьи — проанализировать динамику этих отношений, выявив мотивы сторон и причины неудачи попыток военно-политического союза.

Историография и источниковая база

Приступая к анализу бухарско-османских связей, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой, которую еще в начале XX века точно сформулировал выдающийся российский востоковед академик В. В. Бартольд. Он отмечал, что «история среднеазиатских ханств в XVIII и XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей» [Бартольд, 1964, с. 400].

Этот методологический упрек долгие годы оставался актуальным. Изучение связей Порты с ханствами Центральной Азии действительно страдало фрагментарностью, политической ангажированностью и рассматривалось исключительно через призму соперничества великих держав («Большой игры»), а не как самостоятельный сюжет. Перелом наступил лишь в последние десятилетия с введением в научный оборот османских архивных материалов, что позволило преодолеть «равнодушие», о котором писал Бартольд.

Большой вклад в восполнение этого пробела внес российский историк А. Д. Васильев. В своей монографии «Знамя и меч от падишаха...» (2014) и серии статей он впервые детально реконструировал историю контактов на основе турецких и российских архивов. Особую ценность представляет его анализ протоколов османского совещания (мешверет) по вопросу о бухарском «подданстве», который долгое время оставался неизвестным широкой научной общественности.

Также в этом направлении в последние годы активно работают турецкие ученые и исследователи из стран Центральной Азии, постепенно раскрывая неизученные материалы из государственных архивов. Работы современных российских, турецких и среднеазиатских исследователей наглядно демонстрируют, что источниковая база по данной проблеме существовала всегда, но стала востребованной лишь после распада СССР, когда исследователи начали изучать развитие отношений между республиками Центральной Азии и современной Турцией.

Политический контекст и предыстория

Бухарское ханство было старейшим и самым могущественным из среднеазиатских ханств. На протяжении веков Бухара была важным центром образования и культуры в исламском мире [Andican, 2003, s. 73].

Первый контакт между Бухарским ханством и Османской империей состоялся во время правления султана Мехмеда II Завоевателя (1451–1481) [Yusupov, Gül, 2021, s. 39]. Первый серьезный контакт между двумя сторонами после этого состоялся во время правления султана Селима I в XVI в. на почве общего противостояния Сефевидскому Ирану [Erdoğan, 2018, s. 398]. Однако в тот период Бухара выступала как равноправный партнер, суннитский форпост. К началу XVIII в. ситуация кардинально изменилась. Бухарское ханство, охватывавшее большую часть Средней Азии, к началу XVIII в. пришло в упадок. Децентрализация этого государства привела к выделению на его территории крупных полунезависимых владений Балха, Бадахшана и Кокандского ханства [Бейсембиев, 1987, с. 6]. Период предельного социально-экономического и политического упадка Бухарского ханства пришелся на правление одного из последних Аштарханидов — Абу-л-Файз-хана (1711–1747). Из-под контроля центральной власти выходила одна область за другой. Положение дошло до того, что фактическая власть этого правителя не простиралась за пределы бухарского Арка. Неудивительно поэтому, что обескровленная Средняя Азия оказалась сравнительно легкой добычей для полчищ Надир-шаха, вторгшихся из Ирана. В 1740 г. Надир-шах, дойдя до Бухары, подчинил себе Абу-л-Файз-хана и большинство узбекских эмиров [Бейсембиев, 1987, с. 7].

Значительные перемены произошли в Бухарском ханстве в 1753 г. Мухаммад-Рахим убил Абу-л-Файз-хана и стал фактическим и независимым правителем в Бухаре, положив начало новой династии мангытов. Походы и деятельность Надир-шаха в Туркестане привели к значительным изменениям в ханствах региона. Тем временем правители Мангитской династии укрепили свою власть, опираясь на влиятельных ученых Бухары и таджикский купеческий класс [Тоған, 1981, s. 201].

В 1785 г. в Бухаре окончательно утвердилась династия Мангытов, а правитель Шахмурад принял духовный титул эмира, подчеркивая независимость от каких-либо внешних авторитетов, кроме халифа [Исмаилова, 2004]. Бухарские эмиры, проводя в жизнь централизаторскую политику, постоянно боролись с узбекскими племенными группировками вплоть до присоединения Средней Азии к России. Эта обстановка осложнялась периодическими набегами на территорию эмирата правителей Хивы, где к концу XVIII в. к власти пришла знать племени кунграт. А завоевание Цинами Восточного Туркестана в 1758–1759 гг. создало в Центральной Азии новую ситуацию, связанную с гегемонистскими устремлениями Цинов в отношении Средней Азии. После того, как попытки установления цинского господства в Средней Азии провалились, а последующие события (в частности, антицинская борьба покоренных народов Восточного Туркестана) показали шаткость режима Цинов в Синьцзяне, Цинская империя вынуждена была к концу XVIII в. перестроить в рамках традиционного изоляционизма свою политику в отношении Средней Азии. Основные усилия цинской династии были направлены теперь на создание вокруг Синьцзяна своеобразной буферной зоны из «неопасных» для Китая кочевых народов и государств [Гуревич, 1983, с. 202–203]. Это означало, что Цинская империя была заинтересована в разделении Средней Азии на несколько противостоящих друг другу государств.

«Бухарский зондаж»: попытка вхождения в состав империи (первая четверть XIX в.)

В XIX в. Бухарский эмират вошел с новым эмиром, но в значительно ослабленном состоянии в отношении с Османской империей. Постоянные войны с соседними ханствами заставляли Бухарский эмират искать политической и духовной поддержки в Стамбуле. С приходом к власти эмира Хайдара (1800–1826) внешняя политика Бухары совершает неожиданный кульбит. За первые

два десятилетия своего правления Хайдар отправил в Стамбул не менее восьми посольств [Васильев, 2014]. Формально они говорили о дружбе и религиозном единстве, но реальные цели были куда более амбициозными.

Первый посол из Бухары в Стамбул в XIX в. прибыл во время правления Селима III (1789–1807). В июле 1803 г. диван-беги (верховный судья) Иш Мухаммад прибыл в Стамбул в качестве посланника с письмом от эмира Хайдара, в котором тот сообщал о смерти своего отца Шах Мурада и объявлял о своем восшествии на престол 14 раджаба 1215 г. (1 декабря 1800 г.) и выражал добрую волю [Karazeybek, 2025, ss. 515–542].

Второе письмо эмира Хайдара, датированное февралем/мартом 1803 г., было доставлено в Стамбул корчубаши (начальником гвардии) Мирзой Мухаммедом Юсуфом и зарегистрировано в Наме-и Хумаюн (императорском реестре) 26 февраля 1805 г. Посол, помимо привезенного им письма, написал справку с объяснением переданного ему устно поручения. Суть доклада посла заключалась в уточнении того, как следует взаимодействовать Бухарскому эмиру с Россией, и в просьбе использования в императорском ответе к правителю Бухары титула «падишах Туркестана и Туран-и Замина» [там же].

В Порте пришли к выводу, что хотя предоставление титула «падишах» правителю Бухары может повысить престиж Османской империи в Мавераунахре, но все же этот факт может создать проблемы Османской империи в будущем в случае возникновения конфликта между Россией и Бухарой. Поэтому было решено отказать в присвоении титула «падишах» и продолжить использование прежнего титула: «Правитель Туркестана и Туран-и Замина». Однако императорское письмо, которое будет написано в ответ, будет составлено таким образом, чтобы выразить почтение и угождать правителю Бухары. Что касается отношения к России, послу будет сказано, что, учитывая союз Османского государства с Россией, правителю Бухары также следует проявлять уважение в отношениях с российским послом, как и подобает добрососедству [там же].

Первый посол, направленный от имени Бухарского эмирата во время правления Махмуда II (1808–1839), был отправлен, чтобы поздравить султана с восшествием на престол. С этой целью Хайдар направил в Стамбул диван-беги Мирзу Мухаммеда Юсуфа. Это был его второй визит в Стамбул в качестве посла. Персидское письмо, которое посол привез в Стамбул во время своей миссии, датировано 1229 г. хиджры (1813–1814). Но путь через Россию занял более двух лет. Перевод письма эмира Хайдара с персидского языка на османский был зафиксирован в Наме-и Хумаюн 7 октября 1816 г. [Karazeybek, 2025].

В письме наряду с прочими содержались и политические запросы. Хайдар перечислял области Центральной Азии, которые он считал исконно своими: Мавераннахр, Фергану, Дешт-и Кыпчак, Хорезм, Мерв, Дугляб, Балх и Бадахшан «вместе со всеми окрестностями». По его словам, эти земли издавна были его мюльком, а их правители назначались ханом Бухары. Однако, по словам Хайдара, правители областей Фергана и Хорезм вышли из повиновения. И потому, учитывая, что эмир считал себя преданным слугой султана, он просил отправить фирман, который доказывал бы, что две вышеуказанные области являются его собственностью.

Однако Мирза Мухаммед Юсуф умер в Стамбуле, не дождавшись официального ответа, приблизительно осенью 1818 г. Уведомление багдадского вали о его смерти датировано 26 зилькаде 1233 г. Х. (27 сентября 1818 г.). В то же время в ответе бухарскому эмиру ничего не было сказано о его возможных правах на обладание Хорезмом и казахскими землями. В письме просто лишь выражалось сожаление по поводу кончины на османской земле посланника эмира [Васильев, 2014].

Кульминацией стало посольство 1819–1820 годов, которое фактически предложило включение Бухары в состав Османской империи на правах широкой автономии.

После смерти Мирзы Мухаммеда Юсуфа Хайдар-шах отправил Мухаммада Шарифа в Стамбул в качестве посла с письмом, в котором выразил удовлетворение письмами и книгами, присланными из Стамбула. Также Мухаммад Шариф передал устное прошение Хайдар-шаха о его желании присягнуть на верность султану. Было отмечено, что благосклонность султана укрепит позиции шаха против врагов [Karazeybek, 2025].

Но предложение Хайдар-шаха не получило ожидаемой поддержки, так как оно поступило не вовремя. Хотя между Османской империей и Россией был мир, в ряде регионов начали пересекаться российско-османские интересы. Стамбул, декларировавший себя лидером всего мусульманского мира, был вынужден отвергнуть это предложение «Священной Бухары». Ответ дает анализ так называемого «особого совещания» (мешверет), созванного султаном Махмудом II.

Как реконструирует А. Васильев, доводы «против» перевесили религиозные и престижные аргументы:

Логистический коллапс: У Османской империи не было общей границы с Бухарой. Сообщение шло либо через враждебный Иран, либо через Россию, что делало невозможным эффективное управление и защиту новой провинции.

Геополитический риск: Включение Бухары автоматически делало Порту прямым противником России в регионе, к войне с которой Османская империя не была готова.

В ходе особого совещания было высказано опасение, что если начнется война между Османской империей и Россией, то, будучи османским вассалом, эмир может запросить военную помощь у Порты. Но в связи с тем, что «страна Турана» граничит с Россией и не имеет прямой границы с Турцией, любая помощь хотя и будет возможной, тем не менее породит целый ряд трудностей. Также отмечали, что Бухарский эмират, будучи преимущественно суннитским государством, может попытаться заручиться поддержкой Порты в спорах, например, с Индией или Ираном. И в таком случае Порту ожидают трудно выполнимые бухарские петиции о помощи.

Указывалось, что нет религиозной необходимости распространять власть Порты на Бухару. В ходе заседания было высказано мнение, что в случае утвердительного ответа на запрос эмира Порты будет испытывать затруднения, аналогичные тем, что возникают во взаимоотношениях с европейскими государствами из-за Алжира.

На совете отмечалось, что между Бухарой и Портой находится Иран. Именно это обстоятельство приводило улемов к выводу о том, что нет нужды искать согласованную с законами шариата необходимость принятия бухарского сюзеренитета. Участвовавшие в заседании улемы решили, что поскольку падишах является хранителем священных городов — Мекки и Медины, наместником пророка и на этом основании покровителем всех мусульман и их правителей, то нет необходимости утвердительно отвечать на бухарское прошение. Если же целью эмира является «особое подчинение», то в таком случае, учитывая всю сложность вопроса, участники совета решили отклонить его запрос.

Алжирский синдром: Чиновники вспомнили печальный опыт управления далеким Алжиром. Несмотря на морское сообщение, контроль над ним был слабым, а в 1830 г. Франция оккупировала его, обвиняя в бессилии именно султана. Бухара могла стать вторым Алжиром, но уже без всякой надежды на помощь [Васильев, 2014]. В итоге шейхульислам указал составить фетву такого характера, что, несмотря на желание эмира Хайдара принять османское подданство, это невозможно ввиду отдаленности Бухары от Османской империи [Karazeybek, 2025].

Таким образом, прагматизм взял верх: Хайдар получил вежливый отказ, но контакты не прекратились. Бухарские купцы продолжали играть ключевую роль в транзитной торговле, соединяя Россию, Индию и Ближний Восток, что также служило каналом связи [Mubinoy, 2021].

Курс эмира Насруллы: лавирование между империями

После смерти Хайдара на Бухарский престол взошел его сын Насрулла (1827–1860). Этот период совпал с периодом обострения отношений между Османской империей и Россией на фоне Греческой национально-освободительной революции против турецкого господства (1821–1830). В конце 1826 г. в Стамбул в качестве посла Хайдар-шаха прибыл Мухаммад Фазил с посланием о готовности Бухары выполнить любые поручения султана. С позволения султана Мухаммад Фазил отбыл в хадж и вернулся в Стамбул 11 октября 1827 г. В это время до Стамбула дошла весть о смерти Хайдар-шаха. Учитывая, что от нового эмира Бухары пока не было официального письма на имя султана, было принято решение отправить бухарского посла с устным посланием от имени визиря. Османская империя просила Бухару при возможности проявить религиозную солидарность и объявить джихад Российской империи, а в случае отсутствия такой возможности призвать народ к поддержке и солидарности. Так как Россия вела войны с Каджарским Ираном (1826–1828) и Османской империей (1828–1829), этот период стал периодом приостановки контактов между Бухарой и Османской империей. Логистический коллапс дал о себе знать.

Наследник эмира Хайдара, Насрулла, стремился поддерживать мирные отношения и тесные дипломатические связи с Россией [Халфин, 1974, с. 214]. В 1830-х гг. он неоднократно отправлял посольства в Санкт-Петербург. Россия и Бухара были важными торговыми партнерами, поддерживавшими дипломатические связи и сплоченные наличием общего врага в лице Хивы. Россия считала Бухару торговым партнером из-за ее важных сырьевых ресурсов. В 1839 г. из Бухары в Россию было экспортировано товаров на сумму 2513 912 рублей; в 1840 г. эта цифра выросла до 3283 654 рублей. В то же время Бухара была транзитным пунктом для российских товаров, предназначенных для Кабула, Кашмира и Герата. Даже в 1846 г. в Санкт-Петербурге преобладало мнение, что Бухара не представляла политической опасности для России [Hayit, 1975, s. 92].

Контакты Бухары и Османской империи возобновились в конце 1836 г. Эмир Насрулла отправил в Стамбул в качестве посла чагатайского бека Балтакулу. В своем письме эмир Насрулла сообщал о своей преданности султану. Эмир просил султана разрешить ему разделаться с разбойными бандами, поднявшими мятеж в Мавераннахре и Балхе. Падишах дал ему такое разрешение, однако напомнил, что часть указанных районов является спорной территорией между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством. В связи с этим султан напоминал о необходимости наказания исключительно смутьянов, бунтующих против государственной власти [Халфин, 1974, с. 214].

Вероятно, изложенные требования составляли часть дипломатической подготовки эмира Насруллы к боевым действиям против беков мятежных территорий и походу на Коканд, осуществленному в 1839 г. В ходе этого похода Насрулла, используя внутренние смуты в Коканде, захватил приграничные города ханства и, получив большую добычу и выкуп, отвел войска. После того, как кокандцы отбили захваченные города, Насрулла в 1841–1842 гг. снова вторгся на территорию ханства, овладел его столицей — Кокандом и казнил хана Мадали и его сторонников. Однако вскоре бухарцы были снова изгнаны, и ханство получило независимость [Иванов, 1958, с. 140–141].

Через короткое время дипломатические контакты были инициированы самими османами. В 1839 г. в Бухаре были арестованы британские разведчики — агенты Ост-Индской компании Стодарт и Конолли. Они были направлены в Хиву и Бухару администрацией британской Индии. Помимо разведывательной миссии задачей этих офицеров было создать союз Хивы, Бухары и Коканда для защиты от российской экспансии, однако их усилия были тщетными. Эти события совпали по времени с обострением отношений между Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, а также с Первой англо-афганской войной 1838–1841 гг. Потому бухарский эмир Насрулла, опасавшийся англичан больше, чем русских, велел задержать Стодарта и Конолли по приезде

в Бухару по подозрению в шпионаже и бросить их в темницу. В связи с этим англичане попытались использовать авторитет султана, чтобы освободить своих офицеров. Руководство компании решило обратиться к султану за помощью. Предполагалось апеллировать к авторитету султана как халифа, чтобы убедить эмира Насруллу в дружественных намерениях британцев. Авторитета султана должно было быть достаточно, чтобы Насрулла освободил британцев. Англичане обратились к султану Абдулмеджиду (1839–1861) с просьбой написать письмо бухарскому эмиру, в котором бы содержалось требование освобождения пленных и объяснение целей их приезда в Бухару. Переписка шла на протяжении 1841–1843 гг. Всего было обнаружено 8 писем, связанных с данной проблемой. Первое письмо было датировано 19 января 1841 г., последнее — 22 ноября 1843 г. От имени султана были направлены письма к правителям Хивы и Бухары. В данных письмах повторяется одна и та же информация о том, что эти английские посланники приехали для того, чтобы помочь эмиру противостоять врагам. В письмах указывалось, что ранее эти посланники находились на территории Ирана, где встречались с английским консулом. Упоминается о том, что эти пленники — подданные английской королевы, союзницы султана и защитницы правоверных. В заключение практически всех писем говорится о захвате этих офицеров как о досадном недоразумении, а эмиру дается совет освободить пленных во избежание конфронтации с Англией и позволить им продолжить свой путь. Бухарский эмир не ответил ни на одно из султанских писем, и офицеры были казнены по его приказу [Васильев, 2014]. Можно предположить, что попытка султана вступить за британских агентов вызвала определенное разочарование в Бухаре.

Следующий дипломатический контакт был санкционирован османским правительством в 1848 г. От имени султана бухарскому эмиру Насрулле было отправлено письмо (проект письма датирован сентябрем 1848 г.) В нем после значительных славословий упоминалось о личности посланника. Им должен был стать пост-нишин узбекского текке в Стамбуле шейх Хаджи Мухаммед. В письме отдельно оговаривалось, что данное текке существует уже долгое время [Васильев, 2014]. Начиная с XIX в. в дипломатических отношениях по туркестанскому вопросу Османским государством в качестве послов избирались шейхи узбекского текке, а точнее, бухарского текке в районе Султанрахмет в Стамбуле [Mahmudov, 2025]. В заключительной части письма содержалось, собственно, основное послание султана бухарскому эмиру. Говорилось, что до османов дошли сведения о войнах в регионе и о происходящих убийствах и боевых действиях. В этой связи султан напоминал о своем статусе халифа как высшего духовного авторитета для мусульман и требовал принять все необходимые меры для прекращения вражды, сохранения мусульманского единства, единства уммы и говорил о недопустимости проливать кровь своих единоверцев. Судя по османским документам, такое решение было принято под влиянием бесед с кокандским посланником (его имя неизвестно), находившимся в это время в Стамбуле. Об этом свидетельствует распоряжение, направленное в османское Министерство иностранных дел о пребывании кокандского посла в Стамбуле [Васильев, 2014].

Эпоха протектората и «османский след» (1868–1900)

А. Вамбери, побывавший в Центральной Азии в начале 60-х гг. XIX в. незадолго до присоединения края к России, оставил в своих мемуарах свидетельство того, как основная масса населения Бухарского эмирата представляла себе международное положение Османского государства и Бухары: «Среди населения Средней Азии и ее правителей Османская империя пользовалась несомненным духовным и политическим авторитетом и занимала, по мнению обывателей, едва ли не ведущее место в системе международных отношений. А султан и эмир, например, рядовым жителям Бухары представлялись владыками мира: бедные люди приходили в восторг, говоря

о героических подвигах своего эмира. Они рассказывали, что он проник из Коканда в Китай и, покорив все под свой скипетр на востоке, хочет также завоевать Иран, Афганистан, Индию и Френги-стан, все страны до самого Рима; таким образом, мир поделится между султаном и эмиром» [Глушченко, 2000, с. 63].

Очередное посольство из Бухары прибыло в Стамбул в 1867 г. Эмир Сейид Музаффар-эд-Дин (1860–1885) отправил в Стамбул через Британскую Индию дипломатическую миссию, во главе которой находился муфтий Бухары Мухаммед Парса-эфенди. Отправка посольства была вызвана военными действиями с Россией. В результате военных поражений от русских войск в 1865 г., когда генералом М. Г. Черняевым был взят Ташкент, и последующих событий — войны с Бухарой в 1868 г. и подготовкой похода на Хиву 1873 г. местные правители вынуждены были обратиться за помощью к Османской империи как наиболее могущественному и дружественному из мусульманских государств, с которыми государства Средней Азии имели дипломатические отношения.

Отправляя посольство, эмир бухарский рассчитывал создать антироссийский альянс с участием Бухары, Османской империи и Англии. Мухаммед Парса-эфенди в начале сентября 1867 г. прибыл в столицу Османского государства, где был принят с большим вниманием и почестями. Посол удостоился личной аудиенции у султана Абдулазиза 24 сентября 1867 г. Он передал письма эмира и рассказал о сложившейся ситуации. Эмир бухарский в своем письме просил султана, используя силу и авторитет империи, повлиять на русских, заставить их отказаться от своих планов дальнейшего наступления на территорию ханства. Кроме того, он просил прислать ему современное оружие и специалистов в области металлургии и горного дела. После завершения своей посольской миссии Парса-эфенди намеревался отправиться в хадж.

В апреле 1868 г. от эмира пришли новые требования. Возвратившийся из хаджа Парса-эфенди снова передал их султану. Эмир требовал, чтобы султан помог ему дипломатическими методами остановить Россию и прислал ему военную помощь. Эта просьба была передана на рассмотрение особого заседания меджлиса. Османская администрация серьезно обсуждала вопрос о помощи Бухаре. В конце концов великий визирь Мехмед Эмин Али-паша доложил султану, что предоставить эмиру материальную помощь невозможно, так как огромное расстояние разделяет Бухару и Османское государство. Кроме того, в докладе визиря упоминается «серьезное соперничество», которое существует между Бухарой, Хивой и Кокандом. В этом случае дать отпор России не представляется возможным. Поэтому им следует объединить свои силы. Все эти причины были объяснены посланнику и, кроме того, были даны дополнительные объяснения в письме к бухарскому эмиру.

Пока в Стамбуле обдумывали варианты возможных действий, ситуация в Центральной Азии развивалась стремительно. Генерал Кауфман в течение 1867–1868 гг. нанес поражение бухарским войскам, захватил Самарканд и принудил бухарского эмира подписать мирный договор с Россией. В частности, по условиям договора эмир отказывался от самостоятельного ведения дипломатических отношений с другими государствами. Когда известие об этом пришло в Стамбул, меджлис еще продолжал рассмотрение ситуации, и никакого практического решения не было выработано. Поэтому перед лицом свершившихся фактов — поражения Бухары и заключения мирного договора, который фактически превращал эмира в вассала России, заседание меджлиса было прекращено в связи с невозможностью принятия каких-либо мер [Васильев, 2014].

После завоевания Самарканда войсками К. П. Кауфмана в 1868 г. Бухара стала протекторатом Российской империи. Прямые политические сношения Бухары с иностранными государствами были прекращены. Однако отношения с Османской империей не исчезли, а трансформировались. Российская администрация в Туркестане крайне настороженно следила за этими процессами. Турецкое влияние рассматривалось как угроза, подрывающая лояльность местного населения и бухарского эмира [Хужаёрова, 2025, с. 969].

В 1872 г. российские власти впервые запретили эмиру вести самостоятельные переговоры с соседними независимыми правителями через голову ташкентской администрации. В ответ на протесты российской стороны эмир согласился отказаться от своего права независимо от туркестанских властей вступать в дипломатические отношения с другими державами. После 1873 г. в османских архивах не было обнаружено сведений об официальной дипломатической переписке с эмиром. Однако, несмотря на официальный запрет царской администрации на ведение самостоятельных внешнеполитических акций, связи продолжались на уровне личных контактов — между различными османскими министерствами и частными лицами, проживавшими на территории ханств или выходцами из ханств, находившимися на территории Османской империи [Васильев, 2014].

На рубеже XIX–XX вв. османское влияние приобрело новое качество. Оно перешло в интеллектуальную среду. Многие представители бухарской интеллигенции, недовольные застоєм эмирата, получали образование в Турции. Именно там они знакомились с идеями османизма и конституционализма. Вернувшись, они составили ядро движения младобухарцев. Их программа (ограничение власти эмира, светские реформы, создание парламента) создавалась под прямым влиянием младотурок [Васильев, 2023].

Заключение

Отношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в. прошли сложную эволюцию: от отчаянной попытки политического слияния в начале века до культурно-идеологического влияния в конце. Османская империя, сама переживавшая глубокий кризис, оказалась не в состоянии (да и не захотела) стать защитником Бухары от российской экспансии, когда для этого был шанс.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что религиозная солидарность (суннизм, авторитет халифа) в реальной политике XIX в. уступила место жесткому геополитическому прагматизму. Для Порты сохранение остатков империи и баланс с Россией были важнее, чем расширение влияния в далекой Центральной Азии. Для Бухары же османский вектор оставался важным инструментом легитимации власти и поиска альтернативных путей развития, что в полной мере проявилось уже в начале XX в. в деятельности младобухарцев.

В завершение следует подчеркнуть правоту В. В. Бартольда: проблема заключалась не в отсутствии фактов, а в исследовательской оптике. Как только историки обратили пристальное внимание на эту тему, архивы раскрыли сложную картину взаимных ожиданий, страхов и стратегических просчетов, позволяющую по-новому взглянуть на механизмы принятия решений в эпоху «Большой игры».

Литература / References

Бартольд В. В. *Сочинения. Том 2. Часть 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии*. М.: Наука, 1964 [Bartold V. V. Works Volume 2 Part 2. Works on individual problems of the history of Central Asia. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Бейсембиев Т. К. *«Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник*. Алма-Ата: Наука, 1987 [Beysembiev T. K. *'Ta'rikh-i Shahrubi' as a historical source*. Alma-Ata: Nauka, 1987 (in Russian)].

Васильев А. Д. *Знамя и меч от падишаха: Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.)*. Отв. ред. М. С. Мейер; М.: ИВ РАН, 2014 [Vasiliev A. D. *Banner and sword from the padishah: Political and cultural contacts of the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid-16th — early 20th centuries)*. Ed. M. S. Meyer; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014 (in Russian)].

Васильев А. Д. «Бухара подобна Алжиру»: османская политическая элита о прошении бухарского эмира Хайдара султану Махмуду II о принятии Бухары в состав Османской империи. *Восток*. 2021. № 4. С. 83–94 [Vasilyev A. D. 'Bukhara is Like Algeria': The Ottoman Political Elite on the Petition of the Bukhara Emir Khaidar to Sultan Mahmud II to Accept Bukhara into the Ottoman Empire. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 83–94 (in Russian)].

Глущенко Е. А. *Строители империй. Портреты колониальных деятелей*. М.: XXI век — Сoglasie, 2000 [Glushchenko, E. A. *Empire Builders. Portraits of Colonial Figures*. Moscow: XXI Century — Soglasie, 2000 (in Russian)].

Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* 2-е изд. М.: Наука, 1983 [Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in the 17th — First Half of the 19th Century*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Иванов П. П. *Очерки по истории Средней Азии: (XVI — сер. XIX в.)*. М., 1958 [Ivanov P. P. *Essays on the History of Central Asia: (16th — mid-19th centuries)*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Исмаилова Б. *Политическое и социально-экономическое положение Бухарского эмирата: Вторая пол. XVIII — середина XIX в.*: Дис. ... д-ра ист. наук. Худжанд, 2004 [Ismailova B. *Political and socio-economic situation of the Bukhara Emirate: Second half of the 18th — mid-19th century*: Diss. ... Doctor of History. Khujand, 2004 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века)*. М., 1974 [Khalfin N. A. *Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Хужаёрова С. Б. Внешнеполитическая стратегия взаимоотношения Бухарского эмирата с зарубежными странами во второй половине XIX — начале XX века. *Кокандский ГПИ. Научный вестник*. 2025. № 3. С. 967–971 [Khuzhayorova S. B. Foreign policy strategy of the relationship of the Bukhara Emirate with foreign countries in the second half of the 19th — early 20th centuries. Kokand State Pedagogical Institute. *Scientific Bulletin*. 2025. No. 3. Pp. 967–971 (in Russian)].

Andican A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Harekte Türkistan Mücadelesi*. İstanbul: Emre Yayınları, 2003 [Andican A. *From Jadidism to Independence: The Turkestan Struggle Abroad*. İstanbul: Emre Publications, 2003 (in Turkish)].

Erdoğan M. A. Osmanlı Döneminde Türkistan Hanlıklarından İstanbul'a Gönderilen Özbek Elçileri. N. Uyanık vd. (ed.), *Uluslararası Kültürel Miras ve Turizm Kongresi Bildiri ve Özet Kitabı*, 03–05 Mayıs 2018. Konya: Eğitim Yayınevi [Erdoğan M. A. Uzbek Ambassadors Sent from Turkestan Khanates to İstanbul During the Ottoman Period. N. Uyanık et al. (eds.), *Proceedings and Abstracts of the International Cultural Heritage and Tourism Congress, 03–05 May 2018*. Konya: Eğitim Yayınevi (in Turkish)].

Hayit B. *Türkistan Rusya ile Çin Arasında*. Ankara: Otağ Yayınları, 1975 [Hayit B. *Turkestan Between Russia and China*. Ankara: Otağ Publications, 1975 (in Turkish)].

Karazeybek M. 19. Yüzyılın İlk Yarısında Buhara Emirliği Tarafından Osmanlı Devletine Gönderilen Elçilerin Faaliyetleri. *Belgi Dergisi*, S.30, Pamukkale Üniversitesi Atatürk İlkeleri ve İnkılâp Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Yayını, Yaz 2025/II, ss. 515–542 [Karazeybek M. Activities of Ambassadors Sent by the Emirate of Bukhara to the Ottoman State in the First Half of the 19th Century. *Belgi Journal*, No. 30, Pamukkale University Atatürk Principles and Revolution History Research and Application Center Publication, Summer 2025/II, pp. 515–542 (in Turkish)].

Mubinov M. *The role of the Bukhara Emirate in domestic and foreign trade routes (based on the works of Russian travelers)*. Cyberleninka. 2021.

Togan A. Zeki Velidi. *Bugünkü Türkî (Türkistan) ve Yakın Tarihi I*. İstanbul: Enderun Yayınları, 1981 [Togan A. Zeki Velidi. *Present-Day Turkestan and Its Recent History I*. İstanbul: Enderun Publications, 1981 (in Turkish)].

Yusupov Said Abdülaziz ve Gül Osman Kubilay. *Buhara Hanlığı Döneminden Cumhuriyete Türkiye-Özbekistan İlişkileri ve Osman Kocaoglu*. Ankara: Altınordu Yayınları, 2021 [Yusupov Said Abdülaziz and Gül Osman Kubilay. *Türkiye-Uzbekistan Relations from the Bukhara Khanate Period to the Republic and Osman Kocaoglu*. Ankara: Altınordu Publications, 2021 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Online resources

Mahmudov Sh. Türkistan'ın Osmanlı Devleti ile Diplomatik İlişkilerinde Elçi Olarak Seçilenler [Mahmudov Sh. Chosen Ambassadors for Diplomatic relations of Türkistan with the Ottoman state. URL: <https://ttk.gov.tr/wp-content/uploads/2025/06/5-Sherzodhon-Mahmudov05.pdf> (in Turkish)] (дата обращения: 15.03.2026).